

С. С. Курочкин

ПОДГОТОВКА ОБОРОНЫ БАЛТИЙСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863–1864 ГГ.

Актуальность темы исследования обусловлена повышенным вниманием научного сообщества к истории Польского восстания 1863–1864 гг., существенно повлиявшего на внутривнутриполитическую обстановку в Российской империи и приведшего к переменам в международной обстановке. Восстание неоднократно становилось объектом специального изучения военных историков, историков дипломатии. Однако вопрос о мерах, предпринятых российскими военными властями на территориях, непосредственно не охваченных волнениями, остается менее изученным. В то же время известно, что в рассматриваемый период российские военные уделяли много внимания обороне побережья Балтийского моря, поскольку на основании опыта Крымской войны Балтийское море считалось одним из наиболее вероятных направлений вторжения противника в случае, если бы Польское восстание стало бы причиной войны между Россией и коалицией европейских держав.

Таким образом, в рамках сложившейся историографической ситуации становится актуальным исследование, в котором проблема обороны балтийского побережья Российской империи в годы Польского восстания 1863–1864 гг. одновременно подверглась бы анализу в рамках двух историографических направлений: военной истории и истории международных отношений.

Для достижения заявленной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, изучить состояние укреплений российских приморских крепостей побережья Балтийского моря к моменту начала Польского восстания 1863–1864 гг.; во-вторых, установить, какие сценарии войны российское военно-политическое руководство рассматривало как наиболее вероятные в случае агрессии европейской коалиции в отношении России; в-третьих, проанализировать комплекс мер, пред-

принятых российскими военными властями для защиты российских морских границ на Балтийском море в период восстания 1863–1864 гг.

В основе методологической базы данного исследования лежат принцип историзма, а также структурный и сравнительно-исторический методы.

Теоретической базой данной статьи являются труды В. Г. Ревуненкова, Л. Г. Бескровного, в которых рассматривается влияние Польского восстания на военную политику Российской империи.

Практическая значимость исследования основывается на возможности использования полученных выводов при создании обобщающих трудов по военно-политической истории России XIX века и в практике преподавания курса Отечественной истории и специальных дисциплин.

Рубеж 1850–1860-х гг. стал важной вехой в развитии морских вооружений. Броненосные батареи, применённые в ходе Крымской войны в 1855 г. французским флотом при атаке крепости Кинбурн, дали начало новому классу кораблей, защищённых металлической бронёй. Броневые плиты защищали корпуса и машины новых кораблей от огня бомбических орудий, для которого деревянные корабли были уязвимы. Благодаря включению в состав артиллерийского вооружения броненосцев нарезных орудий необходимость подходить на близкую дистанцию к береговым укреплениям исчезла. Эти факторы делали новые броненосные корабли крайне опасными для береговых укреплений, построенных в расчёте на отражение атак старых, деревянных кораблей¹. К 1863 г. основные потенциальные противники России располагали броненосцами, пригодными для плавания в открытом море. К 1863 г. русский флот не имел кораблей такого класса. Как и в период Крымской войны, главную роль в обеспечении безопасности приморских городов и флотских баз России на Балтике должны были сыграть береговые укрепления.

В 1830–1850 гг. оборона Южного фарватера Кронштадта была существенно усилена возведением ряда казематированных батарей и фортов. Северный фарватер был более сложен в навигационном отношении и поэтому оставался относительно слабо укреплённым. Однако винтовые пароходы, как предполагал военный генерал-губернатор Кронштадта И. И. Ден, могли пройти Северным фарватером и подвергнуть город бомбардировке². Это заставило русское командование уже в ходе войны усилить оборону крепости: возвести свайные поля, ряжевые преграды и минные заграждения³. После падения Севастополя 27 августа 1855 г. было принято решение построить временные морские батареи на Северном фарватере (№ 5, 6, 7, 8, 9), и на Южном фарватере (№ 1, 2, 4)⁴.

Э. И. Тотлебен, работая в 1856 г. над укреплениями Кронштадта под руководством князя А. С. Меншикова, составил «Краткий очерк систе-

мы обороны Кронштадта», в котором изложил план модернизации морской крепости⁵. Став в 1859 г. директором Инженерного департамента, Э. И. Тотлебен вновь поднял вопрос о приведении Кронштадта в «прочное состояние»⁶. Работы по возведению постоянной Константиновской батареи (№ 4) были начаты в 1858 г., но другие временные морские батареи оставались в прежнем состоянии и пострадали в ходе наводнения в ноябре 1857 г., хотя, согласно мемуарам К. Д. Хлебникова, уже в 1861 г. К. Я. Зверевым был подготовлен проект долговременных батарей Северного и Южного фарватеров⁷. В 1862 г. в «Записке военному министру» Э. И. Тотлебен скорректировал план реконструкции Кронштадта 1856 г. с учётом развития нарезной артиллерии, однако до начала восстания данные планы также не были реализованы.

Укрепления Свеаборга почти не перестраивались с 1809 г. по 1854 г., лишь в период Крымской войны были возведены земляные батареи⁸. К 1862 г. долговременные укрепления крепости, построенные ещё шведами, устарели⁹.

Д. А. Милютин получил 9 ноября 1861 г. назначение на пост военного министра¹⁰. Во Всеподданнейшем докладе от 15-го января 1862 г. он утверждал, опираясь на сведения Э. И. Тотлебена, что, хотя на 1858 г. укрепления Кронштадта и Свеаборга превосходили по мощи приморские укрепления Шербура и Тулона, однако их верки требовали модернизации.

План модернизации крепостей был предварительно одобрен императором Александром II. Но в 1862 г. по решению «Комитета по рассмотрению вопроса о фортификационных сооружениях в крепостях» под председательством вел. кн. Константина Николаевича Военному министерству было рекомендовано воздержаться от дорогостоящих фортификационных работ. Приоритетным направлением, по мнению совещания, было развитие горнозаводского производства, изготовление артиллерийских орудий и броненосных кораблей. В преддверии кризиса 1863–1864 г. многие фортификационные работы оказались приостановлены из-за сокращения строительных расходов¹¹. В начале 1860-х гг. Военное министерство находилось под значительным давлением со стороны министерства финансов¹². Как военный министр Д. А. Милютин, так и министр внутренних дел П. А. Валуев обвиняли министра финансов М. Х. Рейтерна в стремлении добиться баланса доходной и расходной частей бюджета прежде всего за счёт сокращения сметных требований других министерств¹³.

Д. А. Милютин во Всеподданнейшем докладе по Военному министерству за 1861 г. признавал, что «мы и теперь должны откровенно признаться, что в материальном состоянии артиллерии и в вооружении войск мы отставали от других европейских государств»¹⁴. Основу воору-

жения крепостей к началу 1860-х гг. всё ещё составляли дульнозарядные гладкоствольные пушки. В 1862 г. была начата переделка шестисот 12-ти и 24-фунтовых гладкоствольных медных и чугунных пушек в нарезные¹⁵. Но успешно действовать против броненосцев эти орудия не могли, поскольку выдерживали стрельбу лишь относительно слабым зарядом¹⁶.

Для борьбы с броненосными кораблями требовались стальные орудия больших калибров. Однако, как констатировал Д. А. Милютин, их производство можно было наладить в России лишь в перспективе¹⁷. Таким образом, к началу Польского восстания модернизация приморских крепостей была не завершена, а перевооружение крепостной артиллерии — только начато. После обострения международной обстановки русское командование оказалось в сложном положении.

Схожая ситуация была в начале 1860-х гг. во многих европейских странах¹⁸. Броненосцы к 1863 г. были новым видом военных кораблей, и военные теоретики европейских стран только приступали к поиску способов борьбы с ними. В Великобритании с 1859 по 1860 г. действовала комиссия Royal Commission on the Defence of the United Kingdom, занимавшаяся проблемами защиты британского побережья от угрозы нападения французского флота¹⁹. Результат работы комиссии — предложение о строительстве целого ряда фортов и береговых батарей общей стоимостью 10 350 000 фунтов.

С января 1863 г. Польское восстание стало объектом международного внимания. Заключение Россией и Пруссией 27 января (8 февраля) 1863 г. «конвенции Альвенслебена», разрешавшей войскам двух стран осуществлять преследование повстанцев на территории друг друга, было использовано другими странами в качестве повода к интернационализации Польского восстания²⁰. 20 февраля 1863 г. министр внутренних дел П. А. Валуев отметил в дневнике, что «прусская конвенция подала повод к стольким толкам и за границей, и у нас», и что в европейской прессе господствовали пропольские настроения²¹. Согласно воспоминаниям Д. А. Милютина, прения по польскому вопросу немедленно начались в английском парламенте и во французских Палатах. Английский МИД поручил британскому послу в Петербурге барону Росселю вручить вице-канцлеру Горчакову депешу от 18 февраля (2 марта), в которой излагался взгляд английского правительства на польскую проблему на основании статей Венского договора 1815 г.

Первые записи в дневнике, в которых говорится об угрозе военного вмешательства европейских стран в польский конфликт, были сделаны П. А. Валуевым 14 и 15 марта. Ссылаясь на данные русского посла во Франции А. Ф. Будберга, П. А. Валуев утверждал, что «император Луи-Наполеон не высказывается за польское движение, но и не оказы-

вается им воспользоваться». Д. А. Милютин считал, что Наполеон III стремился с марта 1863 г. создать в Европе антироссийскую коалицию²². Бывший член повстанческого Национального правительства Оскар Айвенде в мемориале от 26 сентября (8 октября) 1864 г. писал, что широкие слои сторонников независимости Польши надеялись на помощь Франции и верили: «самобытность Польши лежит в намерениях французской политики»²³.

Создание коалиции, однако, было осложнено наличием неразрешённых противоречий между её участниками. По оценке В. Г. Ревуненкова, Наполеон III, укрепивший с окончанием Крымской войны позиции Франции в Европе, не оставлял идей пересмотра итогов Венского конгресса, для чего прибегал к риторике «восстановления национальностей». Принц Жером-Наполеон выступал не только за восстановление польской независимости, но и за «перекройку карты Европы»²⁴. Англия была заинтересована в развале франко-русского союза, возникшего после Крымской войны, но не стремилась к пересмотру итогов Венского конгресса²⁵. Она призывала к восстановлению в Польше системы управления, установленной Венским конгрессом в 1815 г. Не придя к соглашению, Франция, Англия и Австрия обратились к России с тремя депешами от 10 апреля (29 марта), которые были вручены послами трёх государств вице-канцлеру князю Горчакову. На совещании, созванном императором Александром II в тот же день, вице-канцлер Горчаков высказался в пользу амнистии для повстанцев для успокоения европейского общественного мнения. С ответом на ноты европейских держав князь Горчаков считал целесообразным выждать²⁶.

Однако, как констатировал русский посол во Франции А. Ф. Будберг, манифест об амнистии от 31 марта 1863 г. не привел к снижению антироссийских настроений в Европе. К российскому правительству с депешами обратились почти все европейские страны, за исключением Пруссии, Бельгии и отдельных государств Германского союза.

По признанию военного министра Д. А. Милютина, Россия в начале 1863 г. не была готова к европейской войне. Поэтому вице-канцлер Горчаков ответил 14 (26) апреля на депеши трёх правительств в примирительном тоне. Дипломатические усилия российского МИДа были, по мнению профессора В. Г. Ревуненкова, направлены на сохранение мира или, по крайней мере, на выигрыш времени для подавления польского восстания, мобилизации армии и укрепления морских крепостей²⁷. Одновременно с дипломатическими переговорами шло приведение армии в боевую готовность. Военное министерство начало приводить в полный состав части армии, осуществляя призыв из временных и бессрочных отпусков. Началось формирование крепостных полков и батальонов для

крепостей Царства Польского, а затем (18 и 28 апреля), для приморских крепостей (Кронштадта, Свеаборга и Выборга).

Российское правительство считало, что наибольшей угрозе подвергаются морские границы России. Особое опасение вызывал Кронштадт. 3 апреля, по данным П. А. Валуева, вице-канцлер Горчаков говорил с морским министром Н. К. Краббе о возможности защиты Кронштадта и Петербурга²⁸.

Опасения русского командования вызывала и оборона побережья Прибалтики. Виленский военный губернатор и гродненский, минский и ковенский генерал-губернатор В. И. Назимов в письме рижскому, лифляндскому, эстляндскому и курляндскому генерал-губернатору В. К. Ливену от 9 апреля 1863 г. высказывал опасения, что в случае войны России с одной или несколькими морскими державами противник может высадить десант на побережье между Ригой и Палангеном. В связи с этим В. И. Назимов намеревался командировать офицера для осмотра крепостей Динабург, Динаминде, а также для осмотра побережья с целью определения наиболее вероятных районов высадки²⁹. О том, что при императорском дворе в апреле 1863 г. всерьёз относились угрозе вторжения с моря в Прибалтику, писал и сменивший В. И. Назимова М. Н. Муравьёв³⁰.

Генерал-квартирмейстер Главного штаба генерал-лейтенант А. И. Веригин в записке Д. А. Милютину от 4 (16) мая 1863 г. назвал три наиболее вероятных направления агрессии коалиции против России: 1) вторжение в акваторию Балтийского моря с перспективой высадки в Финляндии и создания угрозы Петербургу; 2) вторжение в акваторию Балтийского моря и осуществление высадки в Курляндии для оказания непосредственной помощи польским повстанцам; 3) вторжение в акваторию Чёрного моря с целью захвата Крыма и оказания помощи кавказским горцам³¹. В этой же записке он предлагал выделить для обороны Балтийского побережья войска численностью от 150 тыс. чел., из которых 50 тыс. дислоцировались бы в Финляндии, 30–40 тыс. были выделены для непосредственной защиты столицы от десанта, оставшиеся 60–70 тыс. находились бы между Ригой и Петербургом для действий против вражеских войск, высадившихся в Литве³².

Русское командование приняло решение выделить в 1863 г. сверх сметы на усиление приморских крепостей 4 183 949 руб., на усиление сухопутных крепостей — 669 949 руб. Приморским крепостям был отдан явный приоритет, поскольку, как ожидалось, в отсутствии сухопутных границ с Россией Англия и Франция могли начать боевые действия на море.

На Балтийском побережье по плану Э. И. Тотлебена должны были быть укреплены Кронштадт, Выборг, Свеаборг и Динаминде; из пунктов,

не располагавшихся непосредственно на побережье, — Тавастгус и Динабург.

Главной проблемой, вставшей перед Э. И. Тотлебенным при планировании укреплений, было отсутствие в его распоряжении достаточного числа современных артиллерийских орудий большого калибра, способных поражать броненосные корабли. Поэтому Э. И. Тотлебен при проектировании временных укреплений предполагал сдерживать вражеские корабли при помощи подводных мин и заграждений под огнём артиллерийских батарей. Он рассчитывал, что после строительства блиндированных помещений и дополнительных батарей прибрежные крепости даже после продолжительного бомбардирования сохранят достаточно пригодных к стрельбе орудий и боеспособных войск для отражения штурма.

Весной-летом 1863 г. задача усиления обороны морских границ империи казалась русскому командованию особо актуальной. Несмотря на примирительный тон российской дипломатии, общественное мнение Европы оставалось настроено к России враждебно. П. А. Валуев, ссылаясь на слова вице-канцлера Горчакова, в дневниковой записи от 20 мая высказал опасения, что война могла начаться в июне или июле того года³³.

Англия, Франция и Австрия вновь обратились к России с тремя депешами от 5 (17) июня, содержащими «6 пунктов»: требования полной общей амнистии, введения национального представительства, национальной администрации (состоящей из поляков), свободы совести, признания польского языка официальным, изменения системы рекрутских наборов. Европейские дипломаты настаивали на созыве международной конференции, в которой бы участвовали все страны-подписанты трактата 1815 г.³⁴ На совещании по вопросу подготовки ответа на ноты трёх держав, состоявшемся 25 июня, в котором приняли участие сам император Александр II, князь Гагарин, вел. кн. Николай Николаевич, кн. Долгоруков, гр. Адлерберг, граф Панин, барон М. А. Корф, кн. А. М. Горчаков, Д. А. Милютин, М. Х. Рейтерн, Н. К. Краббе, В. П. Платонов и П. А. Валуев, было предложено попытаться вывести Австрию из коалиции с Англией и Францией, созвав вместо «конференции на основе шести пунктов» конференцию трёх граничащих между собой держав (России, Австрии и Пруссии). Д. А. Милютин, М. Х. Рейтерн, Н. К. Краббе, В. П. Платонов и граф Панин в ходе заседания призывали к осторожности в дипломатических шагах, чтобы избежать войны. На совещании были одобрены предложенные вице-канцлером Горчаковым тексты ответных депеш³⁵.

В них вице-канцлер Горчаков не отвергал требования европейских держав прямым отказом, но заявлял о невозможности удовлетворения польских требований, настаивал на необходимости прекратить поддерж-

ку Польского восстания извне³⁶. Князь Горчаков в ходе встречи с английским и французским послами 6 (18) июля заявлял о возможности созыва совещания между странами-участницами трёх разделов Речи Посполитой, но предложение о созыве европейской конференции отклонил. После этого, как констатировал военный министр Д. А. Милютин, война казалась неизбежной. 5 июля П. А. Валуев после разговоров с французским дипломатом герцогом Монтебелло и английским послом Нэпиром, писал, что предложение России провести конференцию стран-участниц разделов Речи Посполитой было воспринято британскими и французскими дипломатами как попытка отстранить Англию и Францию от участия в разрешении польского вопроса³⁷.

По мнению В. Г. Ревуненкова, противоречия Англии и Франции в подходах к польскому вопросу делались всё более явными после ответа Горчакова на июньские ноты, что делало фактически невозможным совместный антирусский поход трёх держав³⁸. Дипломатическая полемика продолжилась и в августе 1863 г. 7 (19) августа послами трёх держав вице-канцлеру Горчакову были переданы заключительные депеши по польскому вопросу. Во всех трёх документах содержалось заявление: «Если же Россия не делает всего от нее зависящего для осуществления умеренных и примирительных намерений трёх держав, если она не вступает на путь, указанный ей дружественными советами, то на неё должна пасть ответственность за важные последствия, могущие произойти от продления смут в Польше»³⁹.

Эти депеши были восприняты русским правительством как завершение дипломатической компании, но агрессивная риторика европейской печати до конца лета 1863 г. давала повод сомневаться в благополучном разрешении кризиса. В «Воззвании польского народного правительства» от 20 сентября 1863 г. говорилось: «Мужество и храбрость польских солдат утвердили убеждение Европы, что Польша должна быть, что народ польский заслуживает независимость от Москвы. Ныне настала минута, когда народы Европы признали уже обязанностью честно поддержать дело Польши»⁴⁰.

В связи со столь сильным дипломатическим давлением на Россию в течение весны-лета 1863 г. в приморских крепостях Империи велись интенсивные работы. В Кронштадте, на Северном рейде, были усилены батареи № 7, 8 и 9. Батареи № 5 и 6 перестраивались в долговременные, но работы на них шли медленнее из-за сложности доставки материалов. Перед батареями 7 и 8 устроено заграждение. Применялись рябьевые, свайные преграды и заграждения из затопленных кораблей. На линии заграждения Северного рейда начата постройка батарей № 10 и 11. На финском берегу также были возведены батареи. Планировалось зимой построить от финского берега сплошное заграждение каменной наброской.

Оборона Южного рейда была усилена постройкой на Ораниенбаумском берегу новых батарей. К постоянной Константиновской батарее пристроили временную. Поперёк южного фарватера было устроено заграждение, прикрывавшее форты «Александр I», «Павел I» и Константиновскую батарею. Дополнительные укрепления возвели на косе острова Котлин. Всего на верках Кронштадта установили 659 (по другой версии — 601)⁴¹ орудий, из которых 66 — на Северном фарватере, 297 — на Южном, ещё 296 — на косе и в крепости⁴². Были устроены пороховые погреба на батареях и блиндированные помещения общей вместимостью 5300 чел.

Оборона Кронштадта была разделена на три участка. На правом фланге — морские батареи № 5, 6, 7, 8, 9 и батареи Финнского берега. Центральный участок включал укрепления острова Котлин. На левом фланге находились морские батареи № 1, 2, форты «Павел I», «Александр I», «Пётр I», «Кроншлот», Константиновская батарея и батареи Ораниенбаумского берега⁴³.

Как и во время Крымской войны, для дополнительной защиты столицы в устье Невы построили батареи, на которые установили 70 орудий.

Для защиты Выборга от нападения с моря Пильский, Транзундский и Немильский проливы, соединявшие Выборгский залив с Финским, перекрыли заграждениями. На островах Выборгского залива возвели батареи на 87 орудий. Для защиты от нападения с суши в Выборге началось строительство батарей и редутов впереди Петербургского форштадта.

Свеаборг также был дополнительно укреплен. Основные проходы на Гельсингфорский рейд перекрыли заграждениями. Для защиты заграждений, обстрела вражеских судов, противодействия высадкам возвели 36 батарей и два редута. Верки вооружили 383 орудиями.

Верки крепости Динаминде со стороны реки Двины были усилены. На верки крепости установили дополнительно 78 орудий. Прибрежные батареи дополнительно вооружили 84 орудиями. Из Сухопутных крепостей Прибалтийских губерний был укреплен Динабург. В нём построили три редута. В Великом княжестве Финляндском около Тавастгуса, на равном удалении от берегов Ботнического и Финского залива возвели укрепленный лагерь. Одновременно оборонительные работы велись на Чёрном море (в Николаеве и Керчи); подготовительные работы (в меньшем масштабе) осуществлялись в крепостях Царства Польского⁴⁴.

Э. И. Тотлебен считал, что эффективность морских мин была доказана в ходе Крымской войны, и рассматривал их как одно из ключевых средств противодействия прорыву вражеских броненосных кораблей в условиях недостатка современных артиллерийских орудий⁴⁵. В 1863 г. было подготовлено более 3 тыс. морских мин, из которых 1925 отправи-

ли в Кронштадт, 1075 распределили между Свеаборгом, Выборгом, Динаминде, Керчью и Николаевом.

Морской министр Н. К. Крабе в записке на высочайшее имя от 12 (24) мая 1863 г. высказал мнение, что, не имея возможности на равных вести бой с вражескими броненосцами, следует при вторжении на Балтику флотов европейских держав использовать корабли для усиления обороны Выборга и Кронштадта. Однако впоследствии было принято решение направить русские эскадры в крейсерство. Рассмотрение деятельности русских крейсерских эскадр в 1863 г. находится за рамками данного исследования. Но следует указать, что их отправка в Нью-Йорк и Сан-Франциско была осуществлена с целью «сколько-нибудь отвлечь внимание и силы наших противников», создав в случае войны угрозу британским коммуникациям. По словам Д. А. Милютина, «единственное средство навредить Англии могло состоять лишь в том, чтобы угрожать ее торговле и колониями, посредством крейсеров...»⁴⁶.

Всего за 1863 г. на строительные работы было израсходовано 6 933 937 руб.⁴⁷, из которых 4 404 609 шли на крепости Империи, 1 006 678 руб. — на крепости в Царстве Польском и 1 522 650 — вне крепостей⁴⁸.

К осени 1864 г., как констатировал П. А. Валуев, острота кризиса начала постепенно снижаться⁴⁹. Д. А. Милютин считал, что появление нот Англии, Австрии и Франции от 7 (19) августа ознаменовало утрату правительствами этих стран надежд принудить Россию к уступкам посредством дипломатического давления⁵⁰. После этого интерес Англии и Австрии к конфликту начал угасать, а без их поддержки Франция не могла эффективно продолжать дипломатическую кампанию. К тому же осенью 1863 г. в Европе обострились другие конфликты⁵¹. Окончательно к разладу прежней коалиции привела тронная речь императора Наполеона III 24 октября (5 ноября) 1863 г., в которой он призывал к созыву новой международной конференции для пересмотра решений Венского конгресса 1815 г.⁵² Однако Англия решительно воспротивилась этому⁵³. Польские повстанцы до конца 1863 г. сохраняли надежду на иностранную поддержку. В донесении повстанческого «Отдела войны» (ноябрь 1863 г.) авторы подчёркивали, что повстанческие войска должны защищать «святые права Польши, которые признаны всею Европой и отказаны одною только Москвой»⁵⁴.

К концу 1863 г. опасения российского правительства полностью не были развеяны. Как констатировал Д. А. Милютин, к началу 1864 г. контроль над Царством Польским и Северо-Западным краем был восстановлен почти повсеместно, хотя отдельные отряды повстанцев действовали до весны 1864 г.⁵⁵ В 1864 г. было выделено 4 млн сверхсметных

ассигнований на фортификационные работы. Основная часть этих денег вновь предназначалась для приморских укреплений.

В 1864 г. впервые в России на Константиновской береговой батарее в Кронштадте был осуществлен монтаж металлических бровных брустверов. Работы на батареях № 7, 8 и 9 были окончены, шло сооружение батарей 10 и 11. П. А. Валуев, посетивший Кронштадт 25 июня 1864 г. вместе с морским министром Н. К. Краббе, отмечал: «Много сделано в последнее время по морскому ведомству и по части укрепления Кронштадта. Северный фарватер теперь защищается вполне надёжно»⁵⁶. За успешный ход работ по возведению батарей в Кронштадте Э. И. Тотлебену объявлена монаршая благодарность (15 июля 1864). В Выборге продолжались работы по возведению Восточно-Выборгских укреплений.

Прямым следствием Польского кризиса 1863–1864 гг. стало изменение дипломатической ситуации в Европе⁵⁷. Русско-Французский союз, поколебленный из-за австро-итало-французской войны 1859 г., оказался окончательно расстроен, вскоре уступив место постепенному сближению России и Пруссии⁵⁸. Обострение англо-русского соперничества в Средней Азии, неурегулированность Восточного вопроса и стремление России денонсировать ограничительные условия Парижского мира 1856 г. заставляли русское командование опасаться новых столкновений с морскими державами Европы и совершенствовать оборону морских границ России.

Мирное разрешение кризиса 1863–1864 г. стало важной дипломатической победой России. Однако кризис показал, что незавершенность процесса перевооружения армии и флота существенно ограничила возможности страны по противодействию ожидаемому вторжению вражеских флотов в Балтийское и Чёрное моря. Оценивая итоги кризиса, П. А. Валуев писал: «Если мы вышли из дела благополучно без уступок и без допущения чужестранного вмешательства, то мы обязаны этим преимущественно проницательности и хладнокровию кн. Горчакова, умевшего выиграть время и заметившего, что за словами иностранных правительств ещё не было готовых действий, и в особенности твёрдости и решимости государя, который с жаром отвергал возможность уступок <...>. Наименее стойки были те министры, которые заведовали оборонительными силами государства»⁵⁹.

Чтобы компенсировать незавершённость процесса модернизации российских прибрежных крепостей, в течение нескольких месяцев с момента начала кризиса в ряде стратегических пунктов по всему российскому побережью Балтийского моря были проведены срочные фортификационные работы. На момент начала кризиса необходимого количества нарезных орудий в армии не имелось, вновь возводимые верки приходи-

лось вооружать устаревшей артиллерией. Ключевая роль в сдерживании вражеских кораблей отводилась невзрывным заграждениям и морским минам. Заграждения должны были помешать вражеским кораблям приблизиться к укреплениям и прорваться внутрь гаваней. Артиллерийские батареи должны были обстреливать вражеские суда и не дать противнику проделать проходы в заграждениях.

Ресурсы, доступные Э. И. Тотлебену, в то время были ограничены, но используемые им методы борьбы с броненосными кораблями были схожи с теми, которые предлагались в других европейских странах. В частности, Royal Commission on the Defence of the United Kingdom в докладе от 1860 г. допускала прикрытие подходов к английским береговым укреплениям заграждениями и морскими минами. Относительная эффективность морских мин против бронированных судов была доказана опытом Гражданской войны в США 1861–1865 гг.⁶⁰

Кризис 1863–1864 гг. оказал существенное влияние на распределение финансирования между российскими сухопутными и морскими крепостями. Хотя кризис завершился для России благополучно, русское командование убедилось в уязвимости береговых объектов для атак броненосных эскадр, что, как констатировал военный министр Д. А. Милютин в 1870 г., привело к существенному росту сумм, выделяемых в последующие годы на строительство приморских крепостей (в первую очередь Кронштадта и Керчи) и разработку специальных артиллерийских орудий для береговой артиллерии⁶¹. Таким образом, внешнеполитическая обстановка оказала существенное влияние на определение приоритетов в программе крепостного строительства и распределении финансирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 367.

² *Раздолгин А. А., Скорилов Ю. А.* Кронштадтская крепость. Л., 1988. С. 194.

³ *Шелов А. В.* Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт, 1904. С. 218.

⁴ *Раздолгин А. А., Скорилов Ю. А.* Кронштадтская крепость. С. 211.

⁵ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 859. К. 9. № 3. Л. 1–11.

⁶ *Раздолгин А. А., Скорилов Ю. А.* Кронштадтская крепость. С. 240.

⁷ *Хлебников К. Д.* Записки Константина Дмитриевича Хлебникова // Минная война в Севастополе в 1854–1855 годах. М., 2017. С. 364.

⁸ *Тотлебен Э. И.* Исторический очерк состояния крепостей к 1855 г. // Граф Эдуард Иванович Тотлебен, его жизнь и деятельность: Биогр. очерк: в 2-х т. СПб., 1886. Т. 2. Приложения. С. 100.

⁹ Исторический очерк деятельности Военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича: в 6 т. СПб., 1879., Т. 4. С. 318.

¹⁰ *Милютин Д. А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864 гг. М., 2003. С. 587.

¹¹ Всеподданейший отчет о действиях военного министерства за 1862 год. СПб., 1864. С. 25.

¹² *Милютин Д. А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864 гг. С. 565.

¹³ *Валуев П. А.* Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2-х т. М., 1961. Т. 1. С. 336.

¹⁴ *Милютин Д. А.* Из всеподданнейшего доклада военного министра от 15 января 1862 г. (некоторые аспекты плана преобразования отечественной артиллерии) // Преобразование отечественной артиллерии в годы военных реформ 60–70-х годов XIX века. СПб., 2004. С. 282.

¹⁵ Исторический очерк деятельности Военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. СПб., 1879., Т. 2. С. 261.

¹⁶ Там же. С. 285.

¹⁷ *Шумкин Г. Н.* Вклад Князе-Михайловской сталепушечной фабрики в перевооружение русской армии и флота в 1860-е гг. // Из истории вооружения и техники. 2018. № 10. С. 42.

¹⁸ *Милютин Д. А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864 гг. С. 564.

¹⁹ Российский Государственный исторический архив. Ф. 954. Оп. 1. Д. 84. Л. 3.

²⁰ История дипломатии. М., 1941. Т. 1. С. 485.

²¹ *Валуев П. А.* Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. С. 209.

²² *Милютин Д. А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864 гг. С. 193.

²³ *Авейде О.* Показания и записи о польском восстании 1863 г. М., 1861. С. 108.

²⁴ *Ревуненков В. Г.* Польское восстание и европейская дипломатия. СПб., 1957. С. 154.

²⁵ Там же. С. 228.

²⁶ *Валуев П. А.* Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. С. 214.

²⁷ *Ревуненков В. Г.* Польское восстание и европейская дипломатия. С. 258.

²⁸ *Валуев П. А.* Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. С. 215.

²⁹ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края: Ч. 1–2 Переписка о военных действиях с 10-го января 1863 года по 7-е января 1864 года. Вильна, 1915. С. 116.

³⁰ *Муравьев М. Н.* Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём мятежа, 1863–1866 // Русская старина. 1882. Т. XXXVI. Вып. 11. С. 394.

³¹ *Ревуненков В. Г.* Польское восстание и европейская дипломатия. С. 233.

³² Там же. С. 277.

- ³³ *Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел.* С. 225.
- ³⁴ *История дипломатии.* Т. 1. С. 486.
- ³⁵ *Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел.* С. 232.
- ³⁶ *Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864 гг.* С. 194.
- ³⁷ *Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел.* С. 235.
- ³⁸ *Ревуненков В. Г. Польское восстание и европейская дипломатия.* С. 315.
- ³⁹ Там же. С. 256.
- ⁴⁰ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 1–2. Переписка о военных действиях с 10-го января 1863 года по 7-е января 1864 года. Вильна, 1915. С. 328.
- ⁴¹ *Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость.* С. 250.
- ⁴² *Исторический очерк деятельности Военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича.* Т. 4. С. 347.
- ⁴³ *Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость.* С. 248.
- ⁴⁴ *Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864 гг.* С. 372.
- ⁴⁵ *Тотлебен Э. И. Исторический очерк состояния крепостей к 1855 г. // Граф Эдуард Иванович Тотлебен, его жизнь и деятельность: Биограф. очерк: в 2-х т. СПб., 1886. Т. 2. Приложения.* С. 97.
- ⁴⁶ *Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864 гг.* С. 207.
- ⁴⁷ *Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1863 год.* СПб., 1865. С. 29.
- ⁴⁸ *Исторический очерк деятельности Военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича.* Т. 4. С. 353.
- ⁴⁹ *Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел.* С. 248.
- ⁵⁰ *Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864 гг.* С. 258.
- ⁵¹ Там же. С. 311.
- ⁵² *Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел.* С. 253.
- ⁵³ *История дипломатии.* Т. 1. С. 488.
- ⁵⁴ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. С. 376.
- ⁵⁵ *Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864 гг.* С. 398.
- ⁵⁶ *Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел.* С. 287.
- ⁵⁷ *История дипломатии.* Т. 1. 488.
- ⁵⁸ *Ревуненков В. Г. Польское восстание и европейская дипломатия.* С. 351.
- ⁹ *Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел.* С. 348.
- ³⁰ *Бронши Л. О. Опыты, произведённые американскими инженерами, с целью изыскать наилучшую систему обороны морских берегов Соединённых штатов // Инженерный журнал. 1870. № 10. С. 1183.*

⁶¹ Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1868 — начало 1873 г. М., 2006. С. 231.

ЛИТЕРАТУРА

Авейде О. Показания и записи о польском восстании 1863 г. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1861. 663 с.

Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края: Ч. 1–2 Переписка о военных действиях с 10-го января 1863 года по 7-е января 1864 года. Вильна: Губернская типография, 1915. 538 с.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. 616 с.

Бронии Л. О. Опыты, произведённые американскими инженерами, с целью изыскать наилучшую систему обороны морских берегов Соединённых штатов // Инженерный журнал. 1870. № 10. С. 1161–1183.

Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел: в 2-х т. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1. 425 с.

Всеподданейший отчет о действиях военного министерства за 1862 год. СПб.: Военная Типография, 1864. 591 с.

Всеподданейший отчет о действиях военного министерства за 1863 год. СПб.: Военная Типография, 1865. 639 с.

История дипломатии. В 6 т. М.: ОГИЗ., 1941. Т. 1. 567 с.

Исторический очерк деятельности Военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича: в 6-ти т. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1879. Т. 2. 477 с.; Т. 4. 543 с.

Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864 гг. / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2003. 686 с.

Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1868 — начало 1873 г. / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2006. 735 с.

Милютин Д. А. Из всеподданнейшего доклада военного министра от 15 января 1862 г. (некоторые аспекты плана преобразования отечественной артиллерии) // Преобразование отечественной артиллерии в годы военных реформ 60–70-х годов XIX века. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2004. С. 282–288.

Муравьев М. Н. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём мятежа, 1863–1866 // Русская старина. 1882. Т. XXXVI. Вып. 11. 419–646 с.

Раздолгин А. А., Скориков Ю. А. Кронштадтская крепость. Л.: Стройиздат, 1988. 419 с.

Ревуненков В. Г. Польское восстание и европейская дипломатия. Л.: Изд-во Ленинградского университета. 1957. 358 с.

Тотлебен Э. И. Записка генерал-адъютанта Тотлебена о вооружении приморских крепостей (1869 г.) // Граф Эдуард Иванович Тотлебен, его жизнь и дея-

тельность: Биогр. очерк: в 2-х т. СПб.: тип. «Рус. Скоропеч.», 1886. Т. 2. Приложения. С. 202–211.

Тотлебен Э. И. Исторический очерк состояния крепостей к 1855 г. // Граф Эдуард Иванович Тотлебен, его жизнь и деятельность: Биогр. очерк: в 2-х т. СПб.: тип. «Рус. скоропеч.», 1886. Т. 2. Приложения. С. 93–130.

Хлебников К. Д. Записки Константина Дмитриевича Хлебникова // Минная война в Севастополе в 1854–1855 годах. М.: Principium, 2017. С. 203–372.

Шелов А. В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт: тип. газеты «Котлин», 1904. С. 218.

Шумкин Г. Н. Вклад Князе-Михайловской сталепушечной фабрики в перевооружение русской армии и флота в 1860-е гг. // Из истории вооружения и техники. 2018. № 10. С. 42–49.